

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС	
«Красный дом» фабрики Максвелла	12
«Дворец» для бедняков рядом с особняком Брусницыных	24
«Экспериментальное» здание от создателя дома Зингера	32
Яркий пример доходного дома — «полуособняк» солистки Мариинского театра	46
Почему сто лет назад покупать квартиру в Петербурге казалось странным ...	58
КРИМИНАЛЬНЫЙ ГОРОД	
Здесь вручную печатали «Путешествие из Петербурга в Москву»	70
История дома, где орудовал петербургский Джек-потрошитель	82
Дом с итальянскими мозаиками и ленинским ЖКХ-артом	92
Дом Серебряного века со спиритическим салоном	108
В этом доме ликвидировали знаменитую банду Белки	120
ТОВАРЫ И УСЛУГИ	
Здесь знаменитый винный погреб соседствовал с шиитской молельней	134
История пройдохи-портного, который сумел утомить Льва Толстого всего за день	142
«Дом Куинджи», в котором никогда не жил Куинджи	152
Трактир «Феникс»	162
Ресторан «Донон»	170
ИЗ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
Особняк авантюриста екатерининской эпохи на Фонтанке	182
«Поповский дом» с башенками из фильма «Брат»	196
Доходный дом по прозвищу Пекин	208
История «Человека в очках» и его дома	220
Дом с «совами и чудовищами» на Кронверкском проспекте	230
РЕВОЛЮЦИЯ	
История дома Вистингаузенов и его наследниц	244
Дача Дурново	254
Особняк министра, сожженный актером-анархистом в 1917 году	264
Дом булочника, где жил Иосиф Сталин. Улица Ленина, 28	276
Бывшая шикарная гостиница у Арки Главного штаба	288

ВВЕДЕНИЕ

Привет, друзья! С вами Алексей, Эля и «Бумага». Скоро три года, как каждую среду я пишу письмо, которое начинается этими словами. А вечером в четверг «Удивительные истории петербургских домов» добираются до читателей. Этот проект генеральный директор «Бумаги» Кирилл Артеменко придумал еще осенью 2017-го — полезные еженедельные письма о самых насущных для каждого горожанина темах: культурных событиях, вине и петербургских домах. Мы с Элиной отвечаем как раз за «домики». За небольшую плату читатель раз в неделю по подписке получает подробную и, хочется верить, интересную историю одного адреса. Признаюсь, план был амбициозный — сделать так, чтобы в каждом письме информации было больше, чем в любом очевидном источнике, доступном в сети. Так я стал выписывать адреса и истории из старых газет, забытых путеводителей, мемуаров, в которых тот или иной дом упоминался лишь косвенно... Не всегда это редчайший архивный эксклюзив. Но часто нам удается свести меж собой несколько общеизвестных фактов, выстроить их в логическую цепочку и собрать из разрозненных кусочков историю. Это никогда не была рассылка «про архитектуру». Больше, чем про колонны и лепнину, нам хотелось поговорить о том, какой была жизнь города в разные эпохи. Что находилось на месте вашего любимого

бара в 1910 году? Кто из знаменитостей мог подниматься по той же лестнице, отправляясь к себе на квартиру или в гости? На какие события глядели из окна жители дома?

В нашем архиве уже около 160 адресов, по числу четвергов, прошедших с 1 января 2018-го. А потому, когда издательство «Бомбора» предложило нам выбрать всего 25 для книги, сделать это было не очень просто. В итоге после мозгового штурма в полупустой квартире с видом на стадион «Петровский» мы с Элиной предложили собрать под одной обложкой пять тем, которые чаще всего мелькают в нашей рассылке: квартирный вопрос в Петербурге разных эпох, сфера торговли и услуг, криминал и жизнь городских низов, интеллигентские воспоминания о старом городе и революционные события начала XX века и их последствия. Самым старым письмам в этом сборнике уже около двух лет, самым новым — около года. Этим объясняется, почему некоторые заведения, упомянутые в главах, уже не существуют. Например, на месте сырного ресторана Formaggio на улице Ленина (в доме, где жил Сталин!) сейчас готовится к открытию джазовый клуб. Вот почему в каждой главе обязательно указана дата выхода письма. Мы не стали исправлять устаревшие детали — ведь это тоже история Петербурга, пусть и новейшая. Кроме того, вы можете обратить внимание на

небольшие различия в формате глав. Где-то в конце истории вас ждут «Интересные факты», а где-то — подборка идей для прогулки «Что здесь делать». Это тоже следствие того, что письма выходили в разное время. Менялись мы, менялся город и формат рассылки.

Как это часто бывает в текстах не ученых-историков, а журналистов и краеведов-любителей, мы не расставляем ссылки на каждый источник, к которому обращались в работе. Только ключевые мы упоминаем прямо в тексте. Это связано не столько с нашей авторской легкомысленностью, сколько с тем, что нам хотелось побыстрее выпустить эту книгу в свет. И препарировать и пролинковать каждую историю заново мы бы просто не успели. Так что вы в бумажном варианте увидите истории почти такими же, какими они были в оригинальной рассылке. Отличаться будет только визуальное оформление: к большинству глав мы добавили свежие фото 2020 года. Въедливые исследователи наверняка отыщут в книге ошибку-другую. Заранее просим прощения —

не стесняйтесь писать авторам о неточностях.

Почти для каждого дома, кроме «большой» истории, вошедшей в рассылку, у меня есть маленькая, своя. В одних парадных мы с друзьями из ячейки «Гэнг» отмывали майолики под Pink Floyd, в некоторых домах я, полагаясь на силу порой вежливости, а порой нахальства, умудрялся попадать в бывшие «барские» апартаменты. Героев некоторых писем я встречал в путешествиях. Скажем, историю Мины Вистингаузен, наследницы дома на Среднем проспекте Васильевского острова, 33, я узнал во время веловояжа по Калининградской области, а в Грузии случайно наткнулся на воинскую часть, в которой когда-то служил генерал Иван Беляев, один из героев письма про 13-ю Красноармейскую, 22 (Глава 4). Каждый адрес — это еще и история о том, как мы собирали истории, а после жили вместе с этими текстами, вошедшими в эту книгу.

Надеюсь, она вам понравится.

Алексей Шишкин, сентябрь 2020

Как повелось в нашей рассылке, я подхватываю нарратив Алексея в середине. До нашего знакомства для меня краевед был синонимом ботаника, или, другими словами, зануды. Первое мое задание только подтвердило подозрения относительно краеведов. Любой педант-формалист умер бы от зависти, но не я: просматривать отсканированные листы дореволюционного справочника без функции Ctrl+F и монотонно выписывать имена и адреса в столбик явно не входило в круг моих интересов.

А потом, в наступивший вслед за этим четверг, внезапно случилось чудо: мне на почту пришло наше первое совместное письмо. Очень интересное — про дом, мимо которого я прошла и не заметила, а в нем под охраной позабытых городом сфинксов жили друзья Ахматовой, она приходила к ним в гости на чай. «Точно какой-то фокус, — решила я. — Как из моих скучных выписок могла появиться такая история? Наверняка это был просто тест на внимательность и способность работать с дедлайном». Но потом это чудо стало повторяться каждую неделю, а я стала понимать, что учу еще один язык — язык, на котором можно общаться с памятью, с источниками и архивами, чтобы они поведали тебе, как Шахерезада, дела давно ушедших дней.

Этот проект научил меня очень многому, но еще больше он принес мне радости и восторга от того, как можно открывать что-то новое: можно раскрыть преступление столетней давности и почувствовать себя Шерлоком Холмсом, а можно понять, что в детстве мечтал о таком же окне, как маленький Добужинский. Открывать и не добавлять в «сохраненки», а делиться с настоящим сообществом, с нашими читателями, а потом приходиться в редакцию и общаться с ними вживую — за все это и многое другое я благодарна нашему проекту.

Обычно публикации — это конец какого-то большого дела, по крайней мере в университете нас приучают видеть их как цель в конце марафона. Я уверена, что эта книга — только начало, ведь для меня еще столько белых пятен на карте и прекрасных незнакомцев и незнакомок, что когда-то жили на берегах Невы.

Я надеюсь, что вам, как и мне, будет ужасно интересно и страшно удивительно. Лично я всегда читаю предисловия после всей книжки, но если вы сделали иначе, быстрее переворачивайте страницу — приключения начинаются там.

Эля Новопашенная, октябрь 2020

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Петербург — город «понаехавших». Столица Российской Империи росла благодаря привлекательности города для приезжих, возможностям, которые сулил крупнейший город России. В 1907 году в Петербурге проживали 1,3 млн человек. На тот момент в Европе город уступал размерами только Лондону, Берлину, Парижу и Вене, а к 1914 году столицу Австро-Венгрии обогнал — число петербуржцев достигло 2,2 млн. И всем новым горожанам нужно было где-то поселиться.

В этой главе — пять историй про разные типы жилья в предреволюционном Петербурге. Небольшой элитарный доходный дом «полуособняк», громадный доходник на Невском проспекте с гостиницей для приезжих простаков, кооперативный «дом постоянных квартир», доступное съемное жилье для рабочих и фабричная казарма — заводское общежитие для самых небогатых.

«КРАСНЫЙ ДОМ» ФАБРИКИ МАКСВЕЛЛА. ЗДЕСЬ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ НА ПЯТИ ЭТАЖАХ ЮТИЛИСЬ 800 РАБОЧИХ

Улица Ткачей, 3

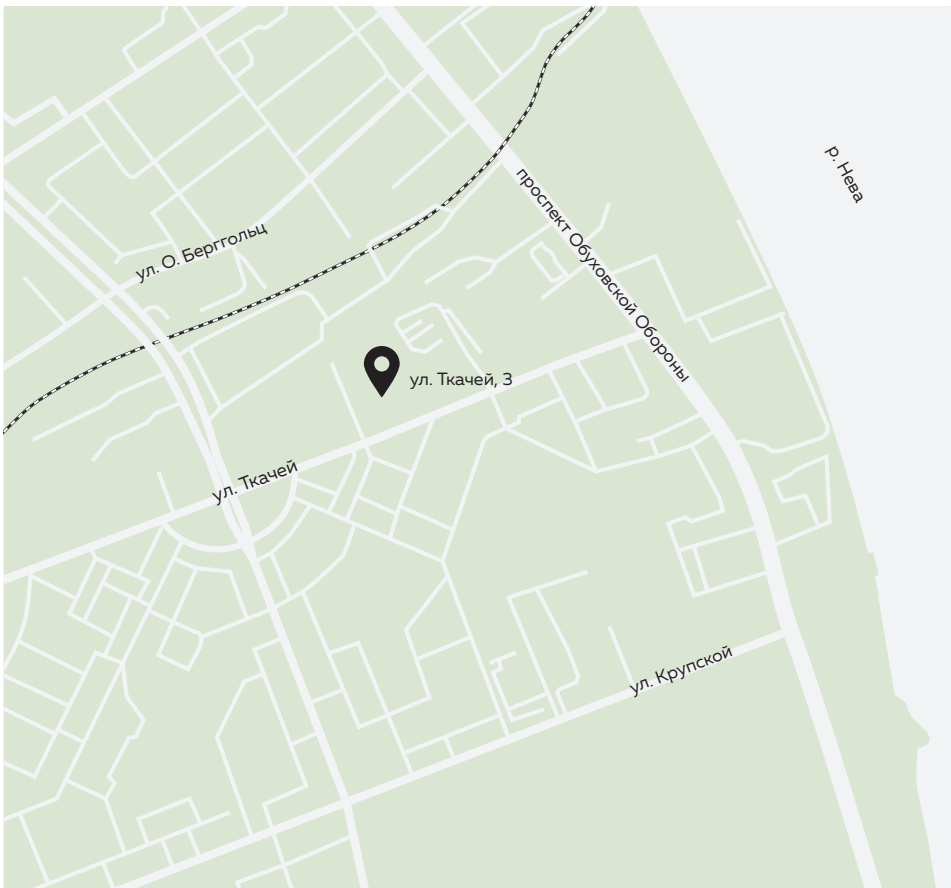
Точно неизвестно, кем и когда был построен этот дом. В официальных бумагах стоит 1885 год. Это похоже на правду: в начале 1890-х «Красный дом» уже был заселен, но еще имел репутацию новостройки. Он относился к комплексу Спасской и Петровской бумагопрядильных мануфактур, находившихся совсем рядом — на Шлиссельбургском тракте (проспекте Обуховской Обороны). Это была одна из нескольких крупных текстильных фабрик района Невской заставы. Принадлежала она редко бывающему

в Петербурге британскому магнату Губбарту Роджерстону, а управлялась поочередно братьями-шотландцами Давидом и Яковом Максвеллами. Так что и называли производство просто «Фабриками Максвелла» или «Максвелля», смягчая на русский манер.

Если верить сотруднику музея истории Ленинграда Михаилу Скородникову, первоначально «Красный дом» в безымянном тогда переулке начинали строить как еще один цех фабрики. Однако уже в процессе строительства пятиэтажное краснокирпичное здание

перепрофилировали под арендное жильё для рабочих Спасской и Петровской мануфактур. Работа на текстильных предприятиях была крайне малооплачиваемой, значительную часть коллектива составляли женщины и дети (которым можно было платить ещё меньше, чем мужчинам). Строить для них даже самые простые доходные дома смысла не имело — все равно оплачивать аренду у пролетариев не было средств. Так что из несостоявшегося цеха сделали «рабочую казарму» — разбили помещения на «коморы» по 17 и 30 метров с кроватями или многоярусными нарами.

«По правой и левой стороне около стен стояло по две кровати, заполнявшие всю длину комнаты почти без промежутка, так, что длина комнаты как бы измерялась двумя кроватями; у окна между кроватями стол и невзрачный стульчик; этим и ограничивалась вся обстановка такой каморки. На каждой кровати спало по два человека, а значит, всего в комнате жило 8 человек холостяков, которые платили или, вернее, с которых вычитали за такое помещение от полутора до двух рублей в месяц с каждого. Значит, такая каморка оплачивалась 14 или 16 рублями в месяц; заработок же

каждого обитателя колебался между 8 и 12—15 рублями в месяц. И все же фабрикант гордился тем, что он благодетельствует рабочих, беря их на работу с условием, чтобы они жили в этом доме, если только таковой не набит битком», — вспоминал профессиональный революционер Иван Бабушкин, посетивший казарму фабрик Максвелла вскоре после постройки.

Помещения казармы делились на предназначенные для семейных и для холостых. Отличались они прежде всего наличием полога, отделяющего нары от комнаты, а также тем, что холостые рабочие имели право арендовать только одну кровать на двоих (и спать по очереди), а семья получала одну койку на всех вне зависимости от числа душ. В итоге детей укладывали спать прямо на полу. Казарма вмещала одновременно 800 человек (а всего на фабриках Максвелла работало око-

ло 5 тысяч). На каждого приходилось порядка 1,5 квадратного метра жилой площади. Это не худший показатель в городе: железнодорожные рабочие в своих казармах были ограничены метром на человека.

Из удобств в «Красном доме» имелись общие кухни на каждом этаже, снабженные баками с кипятком, плитами и поленицами для дров, электрическое освещение и ретирадники с выгребными ямами. О последних тот же Иван Бабушкин упоминает особо: «Мы поднялись на одну лестницу и вошли в коридор, в котором нас, как обухом по голове, ударил скверный, удушливый воздух, распространявшийся по всему коридору из антигигиенических ретирадов. Не проходя по коридору этого этажа, мы поднялись выше, где было несколько свежее, но тот же отвратительный, удушливый запах был и здесь». Неиз-

Бывшая фабрика Максвелла на проспекте Обуховской Обороны

вестно, как часто опорожнялись ямы «Максвелловских казарм», но в казармах других текстильных предприятий, например, была заведена традиция очищать их дважды в год — к крупным церковным праздникам.

У казармы была своя «прислуга». Писарь регистрировал поселявшихся и выселявшихся, а также следил за общественным порядком в казарме и докладывал о настроениях в доме одновременно управляющему фабрикой и полиции. «Кухонные мужики», приписанные к кухням на каждом этаже, заведовали запасами дров и следили за исправностью оборудования.

Подробное описание быта «Красного дома» было составлено Михаилом Скородниковым в 1963 году со слов столетних «девочек» — Анны Мамышевой, Марфы Телятниковой и Ири-

ны Макаровой, проведших детство и юность в казарме фабрики Максвелла. Они же передали исследователю фабричную песню 1890-х:

Кто у Максвеля не живал,
Тот и горя не видал.
А мы у Максвеля живали и все горюшко
узнали...

— Вы фабричные девчонки,
Почему вы худы-бледны?
— Оттого мы худы-бледны, что живем
мы очень бедно...

В 1898 году «Красный дом» становится одним из центров протеста на Невской заставе. Вопреки обновленному трудовому законодательству руководство фабрик саботировало сокращение рабочего дня до 11 часов вместо привычных 14—15. Кроме того, рабочие и работницы были недовольны отменой выходных дней, произволом англичан — мастеров цеха, занижением

норм оплаты за единицу выработки сукна, низкой оплатой детского труда, грубым обращением... 14 декабря основная масса рабочих фабрик Максвелла решила к станкам не выходить. Вместо этого они собрались перед воротами предприятия, где и озвучили свои претензии. Несмотря на то что с формальной точки зрения требования рабочих были полностью законными, принимать их руководство фабрик не спешило. Была предпринята попытка изолировать лидеров протеста, приглашая их внутрь здания «для переговоров» (на что пролетарии не пошли), а также зафиксировать участников стачки с помощью «фотографических машин» (протестующие прикрывали лица и не смотрели вверх). Меж тем из центра города были вызваны дополнительные отряды полиции.

Несмотря на усилия петербургских властей вплоть до градоначальника, прекратить стачку удалось только два дня спустя после точечных арестов ее ключевых организаторов. Единственные четыре зачинщика забастовки, скрывшиеся от полиции, нашли приют как раз в «Красном доме». Узнавшие об этом правоохранители в ночь на 17 декабря решили произвести облаву. О ней, однако, догадались рабочие: писарь заранее дал указание запереть на ночь собак, что явно указывало на то, что в казарму должны были тихо заявиться чужие. Кроме того, «кухонные мужики» заперли кухни. В итоге еще до прихода полиции активистов спрятали, а значительная часть населения дома собралась на лестнице. Сообщить остальным о приходе городских должны были дежурные «с колокольцами».

Первых полицейских жильцы встретили вежливо (правда, собак выпустили). Через окно им заявили, что никаких немедленных арестов не позволят, и предложили вернуться обычным порядком — при свете дня. Досталось только сопровождавшему полицию писарю — его обвинили в потворствовании нарушению ночного покоя дома. Договориться не удалось, фабриканты и полицейское руководство настаивали на немедленной ликвидации последнего очага протеста. Участникам облавы были обещаны денежные премии, перед ее началом руководство фабрики раздало полицейским, как солдатам перед боем, водочные порции «для разгара сердца».

Всего в штурме «Красного дома» участвовало порядка 500 чинов пешей и конной полиции. Руководил операцией подполковник Полибин. В будущем он еще не раз становился ключевой фигурой в подавлении протестов: именно он разгонял манифестацию студентов у Казанского собора, с рассказа о которой начинает свою книгу «Империя должна умереть» Михаил Зыгарь.

Полибин столкнулся с серьезным противником. Рабочие вскрыли кухни и вооружились дровами. Когда полицейские тараном выбили дверь казармы, на них с пролетов лестницы обрушился дождь из березовых чурок. Кроме того, в ход пошли кипяток и тяжелая мебель, метательным снарядом стали даже подаренные Максвеллами настенные часы.

«Когда мы поднялись до второго этажа, в меня попало кем-то брошенное полено и ударило в грудь с такой